

МАНЬЧЖУРСКІЯ ПИСЬМА.*

Из Моск. Вѣд. № 69. 1904 г.
XVII.

Во вчерашнемъ письмѣ мы сообщали о воровскомъ захватѣ Японцами въ Нагаасаки нашего парохода *Шилка*. Изъ разспросовъ вполне освѣдомленныхъ людей сообщаемъ еще слѣдующее.

Послѣ инцидента со старшимъ механикомъ парохода, среди команды и пассажировъ-Китайцевъ царило сильное возбужденіе, которое хотя и не улеглось къ вечеру, но все рѣшили ожидать, что будетъ дальше.

Въ 12 часовъ ночи на пароходѣ вновь прибылъ лейтенантъ, арестованный *Шилку* утромъ, и заявилъ, что арестъ съ парохода снимается, пароходъ можетъ уходить въ русскія воды, и что онъ, лейтенантъ, проситъ капитана И. Д. Костюрину принять его почтительнѣйшія извиненія въ происшедшемъ, такъ какъ онъ тутъ ни при чемъ, а исполнять долгъ службы и проч.

На пароходѣ съ быстротой молніи разнеслась вѣсть о свободѣ, и 25-го съ ранняго утра началась лихорадочная дѣятельность по нагрузкѣ угля.

Портовое начальство, однако, разрѣшило *Шилку* взять запасъ угля только до Порть-Артура.

Тѣмъ временемъ И. Д. Костюринъ съѣхалъ на берегъ съ цѣлью узнать о положеніи вещей, но ни въ агентствѣ пароходства, ни у консула, ни въ иностранныхъ консульствахъ абсолютно достовернаго ничего узнать не удалось. Слухи же среди торговыхъ людей были до крайности противорѣчивы и невѣроятны.

Во всякомъ случаѣ И. Д. Костюринъ принялъ рѣшеніе во что бы то ни стало уйти ночью въ Дальній.

Положеніе парохода было дѣйствительно ужасно.

Всѣмъ казалось невозможнымъ вторично не попасть въ японскія руки.

И. Д. Костюринъ приказалъ развести всѣ пары и въ 11 часовъ ночи,

* См. Моск. Вѣд. №№ 42, 43, 45, 46, 47, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 64, 65 и 68.

среди непроглядной темноты, вывелъ пароходъ въ море.

При выходѣ изъ гавани пароходъ шелъ при полномъ освѣщеніи, но вдругъ послѣ полуночи команда къ ужасу замѣчаетъ, что какое-то судно обводитъ горизонтъ электрическими лучами.

Моментально всѣ огни на пароходѣ тушатся, и И. Д. Костюрину удается ввести *Шилку* въ тѣнь.

Во время дальнѣйшаго перехода вдали видѣлись огни японской эскадры.

Лишь въ ночь съ 27 на 28 *Шилка* встрѣтила нашу миноноску, съ которою и дошла до вѣшняго рейда, гдѣ и узнала только, что война началась.

Вотъ все, что извѣстно въ Харбинѣ объ инцидентѣ съ *Шилкой*.

Слава Богу, что все окончилось благополучно; но, воля ваша, читатель, намъ думается, что мало кому хотѣлось бы быть въ это время на *Шилкѣ*.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Л. БОГДАНЕНКО.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУХОВО-КОБЫЛИНЪ.

(Его жизнь и литературная дѣятельность.)

1903 г.—10 марта—1904 г.

...Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ наградъ, которыхъ счастливый драматургъ можетъ себѣ желать, самая высшая и существенная есть устанавливаемая память, которая въ своей абсолютной формѣ есть уже вѣчная память, т. е. бессмертіе—удѣлъ и достояніе истинной гениальности.

А. В. Сухово-Кобылинъ.

I.

Вотъ уже годъ, какъ вдали отъ родины, въ небольшомъ французскомъ городкѣ Болье, скончался Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ.

Его смерть мало кого удивила. Всѣ уже хорошо знали, что ему много лѣтъ, что за послѣднее время онъ часто прихварывалъ. И, тѣмъ не менѣе, когда телеграфъ передалъ это грустное извѣстіе, то врядъ ли у кого изъ русскихъ образованныхъ людей не защемило на сердцѣ.

Съ именемъ А. В. Сухово-Кобылина тѣсно связывалось много дорогихъ для каждаго воспоминаній... На него привыкли смотрѣть, какъ на драгоценную реликвию, оставшуюся отъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. У него, горячаго поклонника Гегеля, современника и послѣдователя Гоголя,—любили спрашивать мнѣнія о телерешенныхъ философахъ (Шопенгауэрѣ, Толстомъ, Ницше) и драматургахъ. И сужденія покойнаго, всегда оригинальныя и смѣлыя, были чрезвычайно интересны для всѣхъ любителей словесности.

Никто уже, конечно, не ждалъ отъ А. В. Сухово-Кобылина новыхъ художественныхъ произведеній. Когда одинъ интервьюеръ спросилъ у него, не думаетъ ли онъ написать еще какую-нибудь піесу, то покойный самъ признавался: „Нѣтъ, будетъ... Куда мнѣ... Я старикъ, отсталъ отъ вѣка и совѣтъ не знаю новыхъ людей!“

Но если отъ творца *Свадьбы Кречинскаго*, отъ замѣчательнаго бытописателя сороковыхъ годовъ, нельзя было ожидать драмы или романа на современные мотивы, то можно было думать, что маститый драматургъ, столь много видѣвшій, слышавшій и испытывшій, подаритъ насъ *Воспоминаніями* о своемъ интересномъ прошломъ. Однако, и этимъ надеждамъ не суждено уже, повидимому, оправдаться: въ нашемъ распоряженіи остаются пока лишь краткіе некрологи о почившемъ, да отрывочныя воспоминанія его знакомыхъ—матеріалы, слишкомъ недостаточные для подробнаго жизнеописанія автора знаменитой комедіи.

Исполнившаяся годовщина со дня смерти А. В. Сухово-Кобылина и приближающійся пятидесятилѣтній юбилей *Свадьбы Кречинскаго* побуждаютъ насъ теперь подвести итогъ всѣмъ извѣстнымъ намъ источникамъ.

II.

По своему происхожденію покойный драматургъ принадлежалъ къ одной изъ весьма старинныхъ и богатыхъ дворянскихъ фамилій. Онъ появился на свѣтъ въ 1818 году и доводился роднымъ братомъ графинѣ Е. В. Саліасъ-де-Турнемиръ, съ успѣхомъ выступавшей въ изящной литературѣ подъ псевдонимомъ *Евгеніи Туръ*.

О дѣтствѣ будущаго писателя не сохранилось, къ сожалѣнію, почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что въ домѣ его отца часто собирались лучшіе представители Московскаго Университета: Шевыревъ, Максимовичъ, Надеждинъ и многіе прославленные литераторы. Они пили чай, ужинали и вели между собой нескончаемые споры и пререканія. Дѣятельными участниками этихъ шумныхъ собесѣдованій московскихъ знаменитостей являлись, между прочимъ, и два даровитые подростка—А. В. и Е. В. Сухово-Кобылины.

Когда Александръ Васильевичъ достигнулъ юношескаго возраста, онъ пожелалъ поступить въ Московскій Университетъ на второе отдѣленіе философскаго факультета. Здѣсь онъ скоро увлекся произведеніями Гегеля, и сдѣлавшись, по его словамъ, „яримъ гегелианцемъ“, началъ изучать и переводить сочиненія этого писателя.

Въ 1838 году, одновременно съ М. Н. Катковымъ, двадцатилѣтній Сухово-Кобылинъ уже окончилъ университетскій курсъ, причѣмъ удостоился получить серебряную медаль за сочиненіе *Ingenii Horatiani historia interior*.*

Завершивъ такимъ образомъ свое образованіе, будущій драматургъ не вступилъ на педагогическое поприще, какъ большинство его товарищей. Передъ нимъ раскрылась тогда привольная жизнь богатаго „неслужащаго“ дворянина. Большую часть времени онъ сталъ проводить въ своей „подмосковной“ или въ тульской и ярославской вотчинахъ. Тутъ, на лонѣ природы, покойный съ увлеченіемъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и коннозаводствомъ.

* См. объ этомъ: *Отчетъ Московскаго Университета за 1838 годъ*, стр. 19—20.

Изрѣдка навѣшалъ А. В. Сухово-Кобылинъ и столицы. При этомъ, какъ истинный любитель спорта, преобладающая дворянскою спѣсью, онъ любилъ принимать участіе въ московскихъ бѣгахъ и скачкахъ. Князь Д. Д. Оболенскій на страницахъ своихъ *Воспоминаній** говоритъ, между прочимъ, о томъ, какъ 12 июня 1843 года будущій драматургъ на *Щеломѣ*, вл. Черкаскаго, блестяще обсакалъ знаменитаго тогдашняго вѣдока г. Демидова. Въ память „этого событія“, по словамъ газетъ, на Царскосельскихъ скачкахъ былъ даже учрежденъ и до сихъ поръ продолжаетъ разыгрываться „спеціальный призъ въ честь А. В. Сухово-Кобылина“.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что лошади покойнаго славилась своею рѣзвостью не только на русскихъ ипподромахъ, но и за границей. Такъ, въ 1856 году принадлежавшій ему *Шассе* выигралъ дорожную серебряную вещь, которую императоръ Николай I отдалъ въ Англію въ видѣ „царскаго приза“.**

Беззаботная жизнь спортсмена-поищика продолжалась для А. В. Сухово-Кобылина лишь до конца сороковыхъ годовъ. Онъ вдругъ неожиданно для самого себя сдѣлался героемъ громкаго процесса и долженъ былъ на нѣкоторое время погрузиться въ омутъ всевозможныхъ судейскихъ дразгъ. Насколько теперь выяснилось, все это дѣло загорѣлось по слѣдующему поводу. Во время одной изъ своихъ заграничныхъ пѣздокъ А. В. Сухово-Кобылинъ познакомился съ хорошенькою Французенкой, М-ле Диманшъ. Онъ очень привязался къ ней и привезъ ее съ собою въ Москву. М-ле Диманшъ скоро, однако, оказалась особою чрезвычайно сварливаго характера. Своимъ надменнымъ обращеніемъ и постоянными придирками она буквально выводила изъ терпѣнія вѣрнопостныхъ слугъ Сухово-Кобылина. И тѣ рѣшили ее „извести“.

Въ одинъ прекрасный день м-ле Диманшъ куда-то безслѣдно исчезла. Ее начали искать и, спустя нѣкоторое время, въ глухомъ мѣстѣ за заставой

* См. *Московскія Вѣдомости* 1900 года № 152.

** См. *Новое Время* 1896 г. № 6,954.

полиція обнаружила ее обезображенный трупъ съ проломленною головою.

Было наряжено строгое слѣдствіе. И хотя невинность А. В. Сухово-Кобылина не подлежала никакому сомнѣнію, тѣмъ не менѣе судейскіе вѣрочки признали его соучастникомъ этого преступленія. Заварилось громкое дѣло, принесшее покойному массу хлопотъ и матеріальныхъ убытковъ, испортившее ему карьеру и газбившее, по словамъ князя А. В. Мещерскаго,* его молодую жизнь!

III.

Сидя въ тюрьмѣ и не зная, чѣмъ заполнить безконечно-тянувшееся время, А. В. Сухово-Кобылинъ рѣшился отъ нечего дѣлать заняться литературой. Сюжетомъ для своего перваго произведенія онъ избралъ скандальный случай, который незадолго передъ тѣмъ сильно взволновалъ все петербургское общество. Героемъ этого происшествія былъ нѣкій Полякъ Крысинскій. Послѣдній, благодаря своей представительной фигурѣ и свѣтскому лоску, являлся постояннымъ гостемъ лучшихъ столичныхъ салоновъ. А послѣ онъ былъ уличенъ въ мошенническомъ подмѣнѣ драгоцѣнной булавки простою и оказался ловкимъ авантюристомъ.

Этотъ интересный фактъ и послужилъ фабулой для „дебютнаго“ сочиненія Сухово-Кобылина—знаменитой комедіи *Свадьба Кречинскаго*. Полякъ Крысинскій явился прототипомъ главнаго героя піесы. Характерныя же черты семейства Муромскихъ были взяты авторомъ изъ быта ярославскихъ помѣщиковъ, столь хорошо ему знакомыхъ, какъ мѣстному землевладельцу.**

А. В. Сухово-Кобылинъ окончилъ *Свадьбу Кречинскаго* въ 1854 году и тогда же познакомилъ съ нею гостившаго у него артиста П. М. Садовскаго. Сохранилось извѣстіе, что послѣдній *забраковалъ* піесу и „предсказалъ“ ей полный провалъ на сценѣ.*** Огорченный дебютантъ попробовалъ

* См. *Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго (Русскій Архивъ 1900 г., кн. 7, стр. 378.*

** См. *Новое Время* 1900 г. № 8,689.

*** См. *Московскія Вѣдомости* 1892 года, № 16.

послѣ этого послать свое произведеніе на просмотръ петербургскому артисту А. М. Максимова съ предложеніемъ: не желаетъ ли онъ взять его въ свой бенефисъ? Но и тутъ Сухово-Кобылина постигла неудача. Прочитавъ піесу, Максимовъ категорически объявилъ, что онъ не только не возьметъ ее въ свой бенефисъ, но ни подъ какимъ видомъ не станетъ играть въ ней главной роли. „Грязная комедія,—повторялъ онъ,—выведены какіе-то каторжники, на которыхъ нельзя смотрѣть безъ отвращенія, и я вовсе не желаю быть изъ-за нихъ ошиваннымъ“.*

Мнѣнія Максимова вполне придерживался и другой петербургскій артистъ Мартыновъ. Онъ также нашелъ піесу Сухово-Кобылина дурною, отказался поставить ее въ свой бенефисъ и рѣшилъ не принимать въ ней участія. Къ счастью, однако, не всѣ актеры и критики оказались столь близорукими.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до постановки *Свадьбы Кречинскаго* на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей* (1854 г., № 114) появилась любопытная замѣтка, авторъ которой, скрывшійся подъ псевдонимомъ П—ъ, (А. Н. Плещеевъ?) сообщалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Недавно мы имѣли удовольствіе слушать чтеніе одной комедіи, написанной г. Сухово-Кобылинымъ, и были пріятно поражены ея достоинствами... Поздравляемъ нашу литературу съ замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ: характеры въ комедіи очерчены ярко и рельежно, интрига весьма занимательна, хотя авторъ нисколько не думалъ прибѣгать для поддержанія интереса къ тѣмъ дюжиннымъ, вѣшнымъ эффектамъ, которыхъ можно встрѣтить такъ много въ любой французской піесѣ,—напротивъ, все дѣйствіе вытекаетъ у него изъ самаго характера дѣйствующихъ лицъ просто и естественно.“

Это былъ первый похвальный отзывъ о *Свадьбѣ Кречинскаго*. Можно себѣ представить, какъ онъ ободрилъ

* См. *Воспоминанія артиста Ф. А. Бурдина (Историческій Вѣстникъ 1891 г., кн. 5, стр. 302—307).*

годаря замѣтъ г. II—а, многие изъ публики также пожелали ознакомиться съ пьесой начинающаго драматурга, и комедія охотно читалась въ различныхъ кружкахъ, возбуждая при этомъ оживленные разговоры и споры.*

Наконецъ, 26 ноября 1855 года *Свадьба Кречинскаго* появилась впервые на сценѣ Московскаго Малаго театра. Она была поставлена въ бенефисъ артиста Шумскаго, причѣмъ самъ бенефициантъ игралъ главную роль, а Щепкинъ и Садовскій олицетворяли Муромскаго и Расплюева. Первый же спектакль прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ и для автора, и для артистовъ. А на слѣдующія представленія билеты брались уже съ бою и попасть въ театръ на пьесу Сухова-Кобылина считалось необыкновеннымъ счастьемъ.

По поводу этого рѣдкаго успѣха *Свадьбы Кречинскаго* существуетъ даже такой характерный анекдотъ. Послѣ одного изъ представлений пьесы Сухова-Кобылина былъ поставленъ водевилъ *Подставной Женскъ*. Въ самомъ концѣ, когда, по обыкновенію всѣхъ водевилей, дѣло оканчивается свадьбой, знаменитый комикъ-буффъ В. И. Живокини долженъ былъ, по замыслу автора, пригласить присутствующихъ въ театръ зрителей на свадебный банъ своей дочери. „Иди, иди, проси къ себѣ на бракосочетаніе“—говоритъ Живокини дочери, уезжая на публику. Дочь конфузится. „Ну я на тебя попрошу“,—говоритъ онъ, и обращается къ зрителямъ: „Моя дочь выходитъ замужъ, черезъ недѣлю состоится ея свадьба. Удостоите чести молодыхъ—пожалуйте на свадьбу... Что съ? Вы молчите?.. Вамъ не угодно?“—Ахъ, пачеца!—робко шепчетъ невѣста.—Не хотятъ! съ комическою гордостью произноситъ Живокини и вставляетъ остроумную импровизацію: „Вотъ, на твоей-то свадьбѣ и побывать не хотятъ, а на *Свадьбу Кречинскаго*, посмотри-ка, такъ и льзуть, мѣсть не хватаетъ! **

* См. объ этомъ *Московскія Вѣдомости* 1854 г. № 142.

** См. *Московскія Вѣдомости* 1897 г. № 318.

„Ну что, какова *Свадьба Кречинскаго*? Таковъ былъ первый вопросъ, который сдѣлалъ петербургскій артистъ Максимовъ своему другу Ѳ. А. Бурдину, когда послѣдній вернулся изъ Москвы.

„А то, что вы съ Мартыновымъ совсѣмъ опростоволили... Пьеса имѣла громадный успѣхъ!“—отвѣчалъ Бурдинъ и, спустя нѣкоторое время, уже началъ просить у директора театровъ разрѣшенія поставить *Свадьбу Кречинскаго* въ свой бенефисъ-весной 1856 года. Директоръ охотно согласился. Но Мартыновъ и Максимовъ изъ упрямства оставались при своемъ прежнемъ убѣжденіи и, не смотря на просьбы автора, снова отказались отъ предложенныхъ имъ ролей: первый—отъ Расплюева, а второй—отъ Кречинскаго. Бенефисъ Бурдина все-таки состоялся: главную роль исполнялъ Самойловъ, бенефициантъ же игралъ Расплюева.

Самойловъ, по общему отзыву тогдашнихъ критиковъ, олицетворялъ Кречинскаго съ поразительнымъ совершенствомъ.

„Мы видели въ немъ, — вспоминаетъ одинъ изъ этихъ рецензентовъ, — свѣтскаго авантюриста, съ привлекательнымъ говоромъ, у котораго подъ свѣтскимъ лоскомъ проглядываетъ шулерская дерзость, нахальство и хищничество. Знаменитое „сорнало“ было сказано просто, натурально, и имѣть съ тѣмъ эффектно: это былъ верхъ искусства. Послѣ Самойлова въ этой роли другіе, даже и примѣчательные актеры, какъ наиримѣръ, Шумскій и Милославскій, не могли уже удовлетворить зрителя! **

Зато остальные петербургскіе исполнители были многимъ слабѣе московскихъ. Такъ, Бурдинъ, по словамъ *Современника*, (1856 г., кн. 6, стр. 190), выполненіемъ роли Расплюева, грубо и чисто вѣршимъ образомъ имѣя попятой, набросилъ на всю пьесу неприятную тѣнь. Очень блѣдными выжили затѣмъ у Петербуржцевъ и всѣ второстепенныя лица комедіи, играть которыхъ было поручено Владимиро-

* См. *Хронику петербургскихъ театровъ* А. И. Вольфа, часть III, стр. 11.

Григорьеву I (Муромскій), Максиму-ву I (Нелькинъ) и Зуброву (Щепневъ.)

Недостатки исполненія не помѣшали, однако, *Свадьбѣ Кречинскаго* имѣть въ Петербургѣ полный и прочный успѣхъ. На первомъ представленіи авторъ и Самойловъ были много разъ вызваны и награждены громомъ рукоплесканій. А потомъ, въ теченіе четверти вѣка, пьеса Сухова-Кобылина выдержала свыше ста представлений то-есть, болѣе чѣмъ лучшія произведенія Островскаго и почти столько же, сколько *Горь отъ ума* *.

Любопытно посмотрѣть, какъ отозвались о *Свадьбѣ Кречинскаго* тогдашніе литературные критики. *Московскія Вѣдомости*, заранѣе предварившія читателей о выдающихся достоинствахъ пьесы, послѣ перваго же спектакля дали очень обстоятельный разборъ комедіи. Рецензентъ этой газеты (г. В. К.) находилъ, что зрителямъ уже сильно надобно „многочисленнымъ обыкновеннымъ пьесамъ, не совсѣмъ искусно передѣлываемымъ съ французскаго, натянутымъ и уродливымъ, и пьесамъ доморощеннаго издѣла, сшитымъ бѣлыми нитками“... И публика, — по мнѣнію В. К., — не могла остаться равнодушною къ комедіи Сухова-Кобылина, которая вадена логически, повѣдательно, въ которой положенія дѣствующихъ лицъ естественны, характеры выдержаны, словомъ, и пьеса, и исполнители заслуживающія названія серьезнаго, вполне обдуманнаго произведенія **.

Очень сочувственный отзывъ далъ затѣмъ о *Свадьбѣ Кречинскаго* и критикъ *Библиотеки для чтенія*. ***

„Должно сказать, — пишетъ онъ, — что эта комедія не принадлежитъ къ длинному ряду безсвѣтѣйшихъ произведеній современной драматургіи и заключаетъ въ себѣ неотъемлемыя достоинства... Пьеса имѣла — добавляетъ онъ — значительный успѣхъ на московской и здѣшней (т. е. петербургской) сценахъ и заслужи-

* См. *Хронику* А. И. Вольфа, стр. 78.

** См. *Московскія Вѣдомости* 1855 г. № 152.

*** См. *Библиотека для чтенія* 1856 г., кн. 10, стр. 186—190.

большаго и живѣйшаго сочувствія“. *Современникъ*, на страницахъ котораго была помѣщена *Свадьба Кречинскаго*, * по понятнымъ причинамъ отказался отъ критической оцѣнки комедіи и ограничился лишь тѣмъ, что указалъ на большую сценичность пьесы. **

Но особенно интересный отзывъ далъ о произведеніи Сухова-Кобылина неизвѣстный рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* ***. Его оригинальная замѣтка, надо полагать, не столько обидѣла, сколько насмѣшила почтеннаго драматурга. Прежде всего этотъ куріозный „критикъ“ признался, что онъ съ пьесой знакомъ лишь по наслышкѣ. Такъ, онъ пишетъ: „Пьеса, по отзывамъ видѣвшихъ ее (!), обличаетъ въ авторѣ большой драматическій талантъ, нѣкоторые характеры ея (въ особенности самого Кречинскаго) очерчены очень искусно, въ ней есть нѣсколько интересныхъ сценъ, есть умъ и умѣнье вести интригу; но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, — восклицаетъ съ апломбомъ критикъ, — она имѣетъ важный недостатокъ, заключающійся въ самомъ ея содержаніи!“

Имѣя же, однако, такъ не поврававшись *Свадьба Кречинскаго* этому строгому рецензенту или, правильнѣе, его знакомымъ, смотрѣвшимъ пьесу въ Москвѣ? „Видно, — развязно утверждаетъ онъ, — что содержаніе комедіи анекдотическое, и вся она отзывается французскимъ вліяніемъ, отчего частью и теряетъ свое серьезное значеніе; главное лицо ея — Кречинскій, какъ это можно заключить изъ двухъ—трехъ словъ, какого-то темнаго происхожденія: пройдоха, втершійся въ знать путемъ мошенничества — такая избитая тема! При томъ же это лицо не типическое. Если подобные случаи и лица встрѣчаются въ хорошихъ обществахъ,

* См. *Современникъ* 1856 г., кн. 5, стр. 65—138.

** См. *Современникъ* 1856 г., кн. 6, стр. 187—191.

*** См.: *Отечественныя записки* 1856 г., кн. 1.

смотрѣть рѣшительно какъ на исключенія... Впрочемъ, — снисходительно отбѣчаетъ критикъ — комедія имѣла успѣхъ, и нѣсколько представлений сразу публика вызывала автора“.

Не правда-ли, какая оригинальная рецензія! Особенно заслуживаетъ вниманія это своеобразное теченіе мысли почтеннаго критика: „Съ одной стороны нельзя не признаться, что тема пьесы страшно избита (мы де видѣли уже пропасть такихъ героев и въ жизни, и на сценѣ), но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что дѣйствующія лица совсѣмъ не типичны и, если встрѣчаются, то, какъ рѣдкое исключеніе!“...

Безосновательная брань *Отечественныхъ Записокъ* не могла, конечно, помѣшать громадному успѣху *Свадьбы Кречинскаго*. Пьеса Сухова-Кобылина съ каждымъ годомъ все прочтѣе и прочтѣе входила въ репертуаръ различныхъ и провинціальныхъ театровъ. А параллельно съ этимъ нарождались и цѣлый рядъ новыхъ блестящихъ исполнителей главныхъ ролей комедіи, изъ которыхъ необходимо отмѣтить прекрасныхъ Кречинскихъ — гг. Киселевскаго, Далматова, Югина и Фортатти и образцовыхъ Расплюевыхъ — гг. Васильева, Давыдова, Мазышева и Грекова.

Живучесть типовъ Сухова-Кобылина едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Прошло уже свыше шестидесяти лѣтъ послѣ знаменитой продѣлки съ солитеромъ, а сколько еще наивныхъ Лидочекъ гибнетъ и теперь отъ безнаказанныхъ Кречинскихъ! Сколько и сейчасъ еще здравствуетъ этихъ достойныхъ потомковъ героя пьесы — таинственныхъ господъ, не имѣющихъ въ карманѣ ни гроша и, тѣмъ не менѣе, истрачивающихъ ежегодно десятки и сотни тысячъ!.. Если продолжаютъ жить Кречинскіе, то не вымерли, конечно, и Расплюевы. Около всякаго крушнаго мошенника попржнему вытуютъ эти мелкіе недодки, неспособные къ собственной инициативѣ, но ловкіе и изворотливые помощники при совершеніи уже обдуманыхъ преступленій.

Благодаря рѣдкой живучести типовъ и превосходному литературному языку, которымъ написана вся пьеса отъ

производить и въ настоящее время удивительное впечатлѣніе свѣжести. И это впечатлѣніе, надо думать, останется за комедіей Сухова-Кобылина еще на очень долгіе годы. Вѣдь, Расплюевъ и Кречинскій — два такіе живучіе типа, что трудно себѣ представить ту блаженную эпоху, когда, наконецъ, они совершенно исчезнутъ.

V.

Вернемся, однако, къ прерванному жизнеописанію А. В. Сухова-Кобылина... Благодаря своимъ связямъ, ему кое-какъ удалось освободиться изъ цѣпкихъ рукъ судебныхъ крючковыхъ, и онъ, поселившись въ деревнѣ, принялся за свою новую пьесу *Дѣло*. На страницахъ этого произведенія драматургъ ярко выставилъ всѣ ужасные недостатки дореформеннаго суда и рельезно обрисовалъ тогдашнихъ юристовъ, попускавшихъ и бравшихъ „вапканья, уголовныя взятки.“ Не даромъ онъ самъ признавался впоследствии: „*Дѣло* — это моя месть. Местъ есть такое же священное чувство, какъ любовь. Я отомстилъ своимъ врагамъ! Я ненавижу чиновниковъ... Самъ я никогда не служилъ и въ парламентахъ являлся только просителемъ.“ *

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе цензурныхъ условій, *Дѣло* долго не могло появиться на сценѣ. Первое представленіе этой пьесы состоялось лишь въ 80-хъ годахъ, то-есть тогда, когда уже дѣйствовали полнымъ ходомъ новыя судебныя учрежденія. Немудрено, что комедія не произвела особенно сильнаго впечатлѣнія на зрителей: она явилась картиной минувшаго дореформеннаго быта и утратила свой прежній животрепещущій колоритъ.

Послѣ *Дѣла* Сухово-Кобылинъ попытался написать еще одну пьесу — трехактную комедію-шутку *Смерть Тарелкина* (1868 г.), составлявшую послѣднюю часть его трилогіи *Отжитое время* **. Но на это произведеніе также было наложено veto, и *Смерть*

* См. *Новое Время* 1903 г., № 9879.

** Въ три пьесы А. В. Сухова-Кобылина (*Свадьба Кречинскаго*, *Дѣло* и *Смерть Тарелкина*) были изданы въѣсть, отдѣльною книгой (М. 1869 г., 159 стр.).

почти тридцать пять лѣтъ. Лишь 15 сентября 1900 года появилась она на сценѣ Петербургскаго Малаго театра, да и то подъ другимъ заглавіемъ: *Расплюевскіе веселые дни*.

Печальная судьба двухъ послѣднихъ пьес не могла, конечно, не отразиться на творчествѣ А. В. Сухова-Кобылина. Онъ рѣшилъ навсегда отказаться отъ драматической дѣятельности, уединился въ свою тульскую деревню и тамъ съ прежнимъ усердіемъ сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, а досуги посвятилъ разработкѣ различныхъ философскихъ вопросовъ.

Тихо и безмятежно, изо дня въ день, изъ часу въ часъ текла жизнь покойнаго въ родной Кобылинкѣ. Утромъ онъ занимался гимнастикой и ручнымъ трудомъ — это для тѣла, а потомъ хлопоталъ по имѣнію и погружался въ общество философовъ — для души. Такъ смирялъ покойный драматургъ — вспоминаетъ гостившій у него въ деревнѣ г. Бѣляевъ — свое мышленіе, привыкшее жить образами, и направлялъ его въ область отвлеченныхъ разсужденій, гдѣ нѣтъ никакихъ приливовъ и отливовъ, а идетъ вѣчная и здоровая умственная работа *.

Время, однако, шло, и публика, не встрѣчая нигдѣ новыхъ произведеній А. В. Сухова-Кобылина, привыкла уже думать, что его и въ живыхъ-то нѣтъ. И многие были искренно удивлены, когда при возобновленіи *Дѣла* (въ Петербургскомъ Александринскомъ театрѣ въ 1892 году), на сцену вдругъ вышелъ съ артистами семидесятичелтырехлѣтній старецъ — живой, несомнѣнный авторъ *Свадьбы Кречинскаго*.

За послѣдніе годы своей жизни А. В. Сухово-Кобылинъ имѣлъ, однако, возможность убѣдиться, что русское общество продолжаетъ глубоко чтить его крушныя таланты: онъ на ряду съ нашими лучшими писателями былъ приобщенъ къ высшей литературной инстанціи — удостоился получить званіе почетнаго академика.

Д. Я.—III.

* См. фельетонъ г. Бѣляева: У А. В. Сухова-Кобылина (*Новое Время* 1897 г., № 8856).